

СВОБОДЫ НЕПОКОРНЫЙ СЫН

О друге Шоры Ногмова — певце Кавказа декабристе Нечаеве

Кто не слышал на Кавказе имени просветителя, этнографа, историка, лингвиста и поэта Шоры Ногмова? Но мало, наверное, кому известно, что среди русских друзей Шоры Ногмова был писатель-декабрист Степан Нечаев. Он слушал кабардино-черкесские предания в русском переводе Ногмова и на черкесском языке, помогал ему советами, обсуждал созданную им кабардинскую азбуку...

Но начнем сначала. Степан Дмитриевич Нечаев был членом декабристского Союза Благоденствия. В десятилетиях — двадцатых годах XIX века поэт и писатель сотрудничал в хорошо известных тогда изданиях — «Полярной звезде», «Мнемозине», «Вестнике Европы». Историк и археолог, он много писал также о Куликовом поле и историческом Мамаевом побоище. Он был другом декабристов Бестужева, Рылеева, Кюхельбекера, а также Грибоедова, Пушкина и других деятелей прогрессивной русской культуры.

Каким же образом пересеклись жизненные пути русского писателя и кабардинского просветителя? На Кавказ Нечаев приехал в 1823 году. Лечиться на водах, как указывалось в его паспорте. Но сам он говорил, что его влекла на Кавказ прежде всего любознательность. И справедливо — в его биографии были такие эпизоды, как поездка на Урал, где он собирал материалы об экономике, этнографии и истории края; работа над статьями о финской азбуке, о «вайгачских истуканах», то есть памятниках искусства населения острова Вайгач... И как же он мог не побывать на Кавказе, который с начала XIX века стал «колыбелью русской поэзии», как говорил Белинский. О Кавказе писали А. Пушкин и А. Грибоедов, А. Бестужев и А. Одоевский, М. Лермонтов и А. Полежаев... На Кавказе собрался целый круг друзей Нечаева — вольнодумцев, возможных членов тайного Кавказского общества.

Кавказские впечатления

Нечаева отразились в ряде его произведений. В «Замечаниях на путешествие Клапрота» он, подобно знатоку Кавказа А. А. Бестужеву, критикует путешественника-европейца, несколько пренебрежительно отзывающегося о России и о Кавказе. Опираясь на личные наблюдения и на работы других авторов, Нечаев доказывает ошибочность многих положений Клапрота. Так, он критикует рассуждения о взаимоотношениях между казаками и черкесами и ошибочное мнение Клапрота о том, что казаки произошли от черкесов.

Нечаев обнаруживает определенные познания в области географии, этнографии и современного положения Кавказа, освещая эти вопросы, как правило, с прогрессивных позиций, переключаясь в них с декабристами. Тема Кавказа часто ассоциируется у него с характерной темой вольнолюбия. Так, его стихотворение «Ручей Улькун» создает поэтическую картину, предшествующую знаменитому пушкинскому образу рвущегося на свободу Терека, одицеворящего собой весь Кавказ:

...кипящий нетерпением,
Под мрачным сводом берегов
Ты утомился заточеньем
И с гневом рвешься из оков,
Окрест нависшие громады
Раздвинув дерзкою волной,
Чрез побежденные преграды
Летишь крылатою стрелой...
Ассоциация Кавказ — вольнолюбие заметна и в его стихотворениях — посланиях друзьям-декабристам Г. А. Римскому-Корсакову, А. И. Якубовичу, а также близкому к ним по взглядам В. Ф. Тимковскому. В послании Римскому-Корсакову Нечаев набрасывает картину Кабарды:

В аулах Кабарды безлесной,
Среди вертепов и пустынь,
Где кроет свой приют безвестный
Свободы непокорный сын...
Нечаев старается разобратся в особенностях быта и психологии народов Кавказа, отмечает такие черты горцев, как смелость, воинст-

венность, верность в дружбе. Стихотворение «Воспоминания» снабжено обильными примечаниями этнографического характера. В них — об алатырчестве, куначестве и т. п. «Кому неизвестны кунаки горских народов, сии друзья неизменные; готовые жертвовать имуществом и жизнью за человека, снискавшего их любовь и доверие», — пишет Нечаев в одном из таких примечаний.

Тема Кавказа в «Воспоминаниях», как и в других стихах Нечаева, ассоциируется с темой вольнолюбия. Эта мысль близка декабристам, и недаром стихотворение было посвящено одному из вольнодумцев той поры — В. Ф. Тимковскому. В «Воспоминаниях» явно прозвучал мотив, который затем встретится в кавказских произведениях Лермонтова, — мотив грусти по утраченной горцами и горячо любимой ими свободе.

В «Отрывках из путевых записок о юго-восточной России» наблюдения и размышления Нечаева о Кавказе находят обобщение. Здесь много говорится об этнографии черкесов, об их вольнолюбии и воинственном характере, об обычаях, о пище и одежде, жилищах и образе жизни. Зарисован очень симпатичный портрет черкеса: «Все имеют вид гордый, умный, воинственный. Вообще они роста среднего, стройны, ловки, славные наездники. Костюм их имеет в себе нечто характерное, живописное: косматая шапка, заменяющая чалму турецкую в удивительной гармонии с пламенным выражением их физиономии». В статье дается далее целая программа распространения просвещения и образования среди нерусских народов России: «Со введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского, обильного, носовыми и гортанными складами, заставляют желать, чтобы для кабардинских племен изобретена была особая азбука.

Один из уздеи, занимающийся разным торгом на

Горячих водах известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатанья. Одаренный счастливыми способностями, сей молодой человек успел выучиться — сколько можно в здеишем краю — пяти языкам, кроме природного... Будучи предан Русской державе и доказав свою верность участием в наших экспедициях, он сочиняет иногда небольшие поэмы во славу нашего оружия, которые не может распространять между соотечественниками иначе, как через изустное предание и медленное изучение на память».

Из этих записок ясно, что могло сблизить Степана Нечаева и Шору Ногмова. О нечаевских «Отрывках из путевых записок о юго-восточной России» мельком упоминает М. О. Косвен: не рассматривая вопрос о личности Нечаева, он называет его отзыв о Ногмове «весьма спорным». Пусть спорный — но, главное, доброжелательный, искренний, свидетельствующий о дружеских чувствах и уважении. Нечаев был в 20-х годах, по воспоминаниям современников, человеком приятным в обращении, легко сближавшимся с людьми и умевшим располагать к себе людей, особенно молодежь. Неточность в области этнографии отступает и перед его заслугами: он поощрял Ногмова в его просветительской деятельности, внимательно выслушал и одобрил проекты новой азбуки. Он сумел почувствовать красоту кабардинского фольклора в переводах Ногмова. Он ценил и поэмы Ногмова, к сожалению, нам неизвестные, — о дружбе русского и черкесского нарслов...

В дальнейшем легенда подставит вместо забытого имени Нечаева имя Пушкина, и будет рассказывать о дружбе двух поэтов двух народов — Александра Пушкина и Шоры Ногмова. Это войдет и в некоторые исследования о Шоре Ногмове.

С. МУХИНА,
кандидат филологических наук, доцент.